

рошо—больно ужъ они пьянствуютъ. Все читаетъ, все читаетъ... А теперь, вотъ ужъ съ недѣлю никакъ будетъ, и читать бросилъ—такъ и слоняется цѣлый день. Изъ дому-то только въ училище выходить. Да и то хоть не гляди: идетъ, идетъ, вдругъ остановится, упретъ глаза въ землю и стоитъ. Постоить, постоить, щелкнетъ вотъ эдакъ пальцами: «а вѣдь онъ, говоритъ, вреть», или: «а вѣдь правду говоритъ», скажетъ. И пойдетъ. И Богъ его знаетъ, про кого это онъ говоритъ... Представляется ему что-ли...

Кузьма Мосейчъ глубокомысленно покачалъ головой.

— Человѣкъ еще молодой, а живетъ, какъ старикъ. Ни онъ поговорить, ни онъ посмѣяться. Ужъ у меня Сашенька на что хохотунья, на что вострушка, а онъ ее и не видитъ, будто и нѣтъ ея,—добавила Анисья Петровна съ нѣкоторой досадой.

Сашенька зардѣлась и опустила глаза.

— Ну, ну! ничего—дѣло молодое,—потрепалъ ее ласково по щекѣ Кузьма Мосейчъ.

Сашенька незамѣтно вздохнула: была она когда-то хохотуньей, была вострушкой, а теперь, около года ужъ, не до того ей: сердце ноетъ, глядя на него, а онъ ея и не замѣчаетъ.

— А онъ не пьетъ? — спросилъ Кузьма Мосейчъ.

— Ни-ни! ни капли!

— Ну, плохо... Эдакъ, пожалуй, и впрямь съума спятить. Ни водки не пьетъ, ни на дѣвокъ не смотреть... Ну, ну! — прикрикнулъ Кузьма Мосейчъ шутливо на крестницу, которая снова вспыхнула.—И въ карты не играетъ?

— Не видала.

— Ай-ай-ай! долго ли эдакъ пропасть человѣку?

VI.

Корневъ почти обрадовался, когда Кузьма Мосейчъ пригласилъ его къ себѣ. Больше года жилъ онъ въ N., но никогда еще онъ не чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, никогда еще ему не было такъ скучно. Дыхляевъ окончательно спился. Корневъ пробовалъ поддержать его, приносилъ ему книгъ, приглашалъ читать вмѣстѣ. Дыхляевъ бралъ книгу, переворачивалъ нѣсколько страницъ и отдавалъ назадъ или клалъ на полку.—«Скучно», говорилъ онъ. Самому Корневу надоѣло только читать. Впрочемъ, и читать уже было нечего, кромѣ убогой мѣстной газетки, выписываемой училищемъ.